

ААЛ ЛУУК МАС

—> <—
Дерево, которое помнит

—> мистический роман <—

Сергей ИИ
ААЛ ЛУУК МАС
Дерево, которое помнит

<https://litres.ru/74297343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не всякая салама — дар. Иногда человек привязывает к дереву не ленту, а собственное желание.

Сергей ИИ

ААЛ ЛУУК МАС

Дерево, которое помнит

ААЛ ЛУУК МАС

Дерево, которое помнит

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Не всякая салама — дар. Иногда человек привязывает к дереву не ленту, а собственное желание.

Автор Сергей ИИ

Пролог. Девяносто третий узел

Осенью девяносто четвёртого старую дорогу на Үрүн-Тумул размыло так, что грузовики шли по ней боком, словно крабы.

Василий Попов тогда работал мастером в дорожной бригаде. Ему было тридцать восемь, он не верил ни в приметы, ни в рассказы старух, ни в то, что у дороги может быть хозяин. Он верил в дизель, хороший трос и крепкий мат.

В тот день мат не помог.

Бульдозер встал в двадцати метрах от старой лиственницы.

— Солярка есть? — крикнул Василий.

— Полбака.

— Воздух?

— Норма.

— Тогда чего он?

Механик пожал плечами.

Лиственница росла одна на невысоком бугре. Огромная, чуть наклонённая к дороге, с ветвями, тяжёлыми от лент, конского волоса, выцветших тряпиц и маленьких подвесок. Издали казалось, будто дерево обросло чужими воспоминаниями.

Василий видел его с детства. Старшие называли дерево Аал Луук Мас и никогда не проезжали мимо слишком шумно. Кто-то оставлял салама, кто-то просто останавливался на минуту, кто-то молча снимал шапку.

Василий ничего не оставлял.

Но и не трогал.

Пока начальник участка не сказал:

— Срежем край бугра. Иначе весной опять смоем.

— Там дерево.

— Вижу.

— Старое.

— Тем более. Само скоро упадёт.

Начальник был приезжий, новый. Фамилия его была Гребенюк, и местные за глаза звали его Гребнем.

Он поднялся на бугор, подошёл к стволу и взялся за одну из лент.

— Смотрите, сколько барахла. Вот куда тряпки сдавать надо было.

Василий сказал:

— Не трогай.

Гребенюк усмехнулся.

— Что?

2

— Не трогай чужое.

— А это чьё?

Василий посмотрел на дерево.

Ответить он не успел.

Гребенюк дёрнул ленту. С ветви посыпался сухой иней, хотя температура была плюсовая. Сначала никто не понял, что произошло. Потом из глубины леса донёсся один глухой удар.

Будто кто-то далеко ударил в бубен.

Бум.

Механик перестал ковыряться в моторе.

— Слышали?

Гребенюк засмеялся.

— Дятел.

— Большой дятел, — сказал Василий.

Гребенюк сорвал ещё одну салама.

Бум.

Второй удар прозвучал ближе.

Третий раз он уже не смеялся.

Потому что вместе с третьим ударом бульдозер завёлся сам.

Ключ лежал в кармане механика.

Двигатель взревел, машина дёрнулась вперёд и поползла к бугру. Мужчины бросились к кабине. Механик вскочил на подножку, дёрнул рычаг, выругался. Бульдозер не слушался.

Он остановился в метре от дерева.

И заглох.

В тишине кто-то очень тихо произнёс:

— Девяносто два.

Василий обернулся.

Никого.

— Кто сказал?

Механик побледнел.

— Я думал, ты.

Гребенюк стоял возле ствола. В руке у него были две сорванные ленты.

— Девяносто два чего? — спросил он.

С дерева спустилась ещё одна ленточка. Не упала — именно спустилась, медленно раскручиваясь в воздухе, как паук на нитке.

Гребенюк отступил.

Василий посмотрел на ветви.

Он никогда не считал салама. Бабушка запрещала даже в детстве. «Не считай чужие просьбы», — говорила она.

Но теперь почему-то знал: на дереве их было девяносто две.

А в руке Гребенюка — две снятые.

— Положи обратно, — сказал Василий.

— Совсем сдурел?

Бум.

Гребенюк дёрнулся.

— Положи.

— Да пошёл ты.

Он сунул ленты в карман и пошёл к машине.

Вечером Гребенюк не вернулся в посёлок.

Его «УАЗ» нашли у дерева. Двери были открыты, фары горели, двигатель работал. На водительском сиденье лежали ключи, хотя машина была заведена.

Самого Гребенюка искали три дня.

На четвёртый Василий снова поднялся к лиственнице.

Он пришёл один.

Снег за ночь лёг тонким слоем. Следов вокруг дерева не было.

Ветви висели неподвижно.

Василий поднял голову.

Среди выцветших салама появилась новая.

Полоса серой ткани.

Он узнал её сразу.

Из такой ткани была сшита рабочая куртка Гребенюка.

Ветер не дул, но лента медленно качнулась.

И изнутри ствола пришёл шёпот:

— Девяносто три.

После этого дорогу перенесли на двадцать метров в сторону.

В официальном акте написали: «В связи с нестабильностью грунта».

О Гребенюке больше не говорили.

А дерево с тех пор никто не считал.

До нынешнего лета.

4

Часть первая. Возвращение

5

Глава 1. Дорога в Үрүн-Тумул

Сардаана Саввина увидела старую лиственницу из окна микроавтобуса и сразу поняла, что всё изменилось.

Дерево было тем же.

Изменилась толпа.

На обочине стояли четыре машины. Человек пятнадцать ходили вокруг бугра, фотографировались, снимали видео, привязывали ленты. Один мужчина в красной куртке поставил телефон на штатив и громко говорил в камеру:

— И вот мы у самого знаменитого проклятого дерева Центральной Якутии! Местные утверждают, что если оставить здесь подарок, дух исполнит желание. Но если подарок ему не понравится...

Он сделал паузу и улыбнулся.

— Ну, вы поняли.

Сардаана закрыла глаза.

— Что? — спросил Антон.

Он сидел рядом, придерживая кофр с камерой.

— Я уже хочу обратно.

— Мы ехали четыре часа.

— Поэтому я хочу обратно особенно сильно.

Антон посмотрел в окно.

— Красиво.

— Это не фотозона.

— Я ничего не сказал.

— Ты подумал громко.

Микроавтобус затормозил.

За рулём был Ньургун, двоюродный брат Сардааны, которого она не видела почти семь лет. Он повернулся к ним:

— Приехали.

— До села ещё семь километров, — сказала Сардаана.

— Знаю. Но ваши блогеры дорогу перекрыли.

Красная куртка действительно поставил внедорожник почти поперёк съезда.

Сардаана вышла.

Воздух пах тёплой лиственничной корой, пылью и болотной водой. Июнь стоял жаркий. Комары мгновенно нашли её лицо, словно получили сообщение о возвращении старой клиентки.

Она подняла взгляд на дерево.

6

В детстве оно казалось больше.

Теперь страшнее.

Сотни полос ткани покрывали нижние ветви. Белые, синие, красные, зелёные. Были старые, почти бесцветные. Были новые, блестящие, синтетические. Кто-то привязал георгиевскую ленточку, кто-то — шнурок от кроссовка. Между ними висели монеты на нитках, дешёвые браслеты, ключи, детская соска, пластиковый крестик, металлическое сердечко, автомобильный брелок и даже банковская карта.

У корней лежали конфеты в обёртках, бутылка шампанского и три пачки сигарет.

Сардаана почувствовала злость.

— Вот это всё за последний год? — спросила она.

Ньургун кивнул.

— После ролика одного идиота. Он сказал, что здесь желания исполняются.

— Кто сказал?

— Идиот.

— Логично.

Красная куртка заметил их и направил камеру.

— А вот, кажется, местные! Подскажите, правда, что дерево нельзя трогать после заката?

Сардаана посмотрела на него.

— Правда, что вам нельзя снимать людей без разреше-

ния?

Антон за её спиной тихо кашлянул, скрывая смех.
Блогер опустил телефон.

— Мы культурный контент делаем.

— Тогда начните с культуры.

— Вы местная?

— Была.

Она поднялась на бугор.

Каждый шаг возвращал куски детства: зимняя дорога, рука отца, тихий голос матери — «не бери ничего отсюда», маленький узелок белой ткани, который бабушка однажды разрешила привязать вместе с ней.

Сардаана нашла место, где когда-то была их салама.

Её, конечно, давно не существовало.

И всё же пальцы сами коснулись коры.

Ствол был тёплым.

Слишком тёплым.

Она отдернула руку.

— Что такое? — спросил Антон.

7

— Ничего.

На другой стороне дерева женщина привязывала к ветке золотистую цепочку.

— Не надо, — сказала Сардаана.

Женщина нахмурилась.

— Почему?

— Потому что это живое дерево, а не банкомат.

— Мне сказали, надо ценное оставить.

— Кто сказал?

Женщина кивнула на блогера.

Красная куртка сделал вид, что не слышит.

Сардаана подошла к нему.

— Как вас зовут?

— Роман Беляев. Канал «Там, где страшно». Миллион двести подписчиков.

— Поздравляю. Вы сейчас рассказываете людям выдумку.

— Легенду.

— Нет. Выдумку. Иччи — не кассир. Ему не нужна ваша золотая цепочка. И салама — не чек за желание.

Роман оживился.

— О, отлично. Можно на камеру? Вы этнограф?

— Я специалист по культурному наследию.

— Тем более. Расскажите настоящую версию.

— Настоящая версия начинается с того, что вы убираете машину с дороги и перестаёте прибывать к живому дереву таблички.

Она указала на маленькую дощечку с надписью: «ЗАГАДАЙ ЖЕЛАНИЕ — ОСТАВЬ ДАР».

Дощечка была прикручена к стволу двумя саморезами.

Роман слегка побледнел.

— Это не я.

— Но вы её снимаете как декорацию.

В этот момент телефон у него в руке погас.

— Да ладно.

Он нажал кнопку.

Ничего.

— Только зарядил.

Антон посмотрел на свой экран.

— У меня семьдесят четыре.

Роман вытащил пауэрбанк.

Тот тоже не включился.

8

— Прикольно, — сказал Ньургун. — Начинается культурный контент.

Роман нервно усмехнулся.

Сардаана уже хотела спуститься с бугра, когда услышала.

Очень тихо.

Не голос.

Скорее шорох ткани, который почему-то складывался в слова.

— Сколько?

Она замерла.

— Что? — спросил Антон.

— Ты сказал что-то?

— Нет.

Ветви над головой едва качнулись.

— Сколько? — повторил шёпот.

Сардаана посмотрела вверх.

Сотни лент висели неподвижно.

И только одна, высоко над остальными, медленно поворачивалась вокруг своей ветки.

Красная.

Совсем новая.

На ней чёрным маркером было написано одно слово:
«САРДААНА».

Она не сказала никому, что увидела.

Потому что никто в деревне не знал, что она приедет сегодня.

Кроме Ньургуна.

А Ньургун в этот момент стоял рядом и смотрел совсем в другую сторону.

9

Глава 2. Эбээ Куорсун

Үрүҥ-Тумул за семь лет стал меньше.

Не физически — домов было даже больше. Появился новый магазин, вышка связи и детская площадка, на которой пластиковая ракета выглядела так, будто приземлилась по ошибке. Но расстояния между знакомыми местами почему-то сократились. От дома матери до клуба теперь было две минуты. До старой школы — четыре. До берега аласа — семь.

В детстве это был целый мир.

Сардаана поселилась у Ньургуна. Его жена Мария работала фельдшером и сразу предупредила:

— Если ночью кто-нибудь постучит в окно, не открывай.
Антон застыл с кружкой чая.

Сардаана вздохнула.

— Маша.

— Что?

— Не начинай.

— Я не пугаю. У нас рама сломана. Если ветер — отлетит.
Антон выдохнул.

Мария посмотрела на него и добавила:

— А если стучать будет три раза — тогда, конечно, дух.

Антон снова застыл.

Ньургун рассмеялся.

Сардаана тоже улыбнулась, но ненадолго.

Красная салама не выходила из головы.

Она решила поговорить с единственным человеком, который мог сказать ей правду без театра.

Эбээ Куурсун жила на краю села в маленьком доме, пахнущем сушёной рыбой, травами и старым деревом. Ей было далеко за восемьдесят, но глаза оставались ясными и насмешливыми.

Она посмотрела на Сардаану и сказала:

— Наконец-то приехала.

— Вы знали?

— Ньургун сказал вчера.

— А я уже подумала, что вы видели будущее.

— Будущее? — старуха фыркнула. — Я телевизор-то вче-

рашний досмотреть не успеваю.

Антон улыбнулся.

10

Сардаана представила его как оператора документального проекта. Проект был настоящим: районная администрация хотела зафиксировать состояние старого дерева перед строительством новой линии связи и обсуждением дороги. После интернет-ажиотажа понадобился экспертный отчёт.

— Снимать будете? — спросила Куорсун.

— Только если разрешите.

— Тогда сядьте сначала. Человек, который стоит с камерой, всегда спешит. А разговор не любит спешки.

Они сели.

Сардаана рассказала про толпу, саморезы, цепочку и красную ленту.

При слове «красная» лицо старухи стало серьёзным.

— Где висела?

— Высоко. На северной ветви.

— Имя было?

Сардаана кивнула.

Куорсун долго молчала.

— В детстве твоя бабушка показывала тебе дерево?

— Да.

— Что говорила?

— Не шуметь. Ничего не брать. Не ломать ветви. Не просить глупостей.

— Хорошая была женщина.

— И ещё она запрещала считать салама.

Антон поднял глаза.

— Почему?

Куорсун посмотрела на него.

— Потому что считать чужие дары некрасиво.

— Только поэтому?

— А тебе мало?

Антон смутился.

Старуха улыбнулась.

— Молодые всегда хотят, чтобы за каждым правилом сидел монстр. Не свисти — монстр. Не считай — монстр. Не ходи ночью — монстр. Иногда правило существует потому, что человек должен уметь не лезть туда, куда его не приглашали.

Она встала, достала из шкафа старую коробку и вынула фотографию.

На снимке дерево было почти голым. Десяток салама, не больше. У ствола стояли трое мужчин и две женщины. Один мужчина держал маленькую чашу. Другой — свёрнутую волосяную верёвку.

— Семьдесят шестой год, — сказала Куорсун. — Тогда туда не ездили за желаниями. Останавливались, когда дорога дальняя. Благодарили место. Просили пройти без беды, но не торговались. Понимаешь разницу?

— Понимаю.

— Сейчас приезжают и говорят: «Дай машину — вот тебе тысяча рублей. Дай мужа — вот серёжка. Сделай так, чтобы сосед заболел — вот бутылка». Потом удивляются, почему самим страшно.

Антон спросил:

— Вы считаете, дерево исполняет желания?

— Я считаю, что дерево — дерево. Живое. Старое. А место имеет хозяина, как дом. Иччи — это не черт из вашего кино.

— Я не говорил, что черт.

— Глазами сказал.

Сардаана подавила улыбку.

Куорсун продолжила:

— У леса свой хозяин, у воды свой, у дороги свой. Так старые люди понимали мир: ты не один. Ты не главный. Если вошёл — веди себя как гость.

— А Аал Луук Мас? — спросил Антон.

— Большое слово. В олонхо — мировое дерево, жизнь, связь миров. А в разговорах люди так называли и почитаемые старые деревья. Не каждую кривую берёзу, конечно. — Она покачала головой. — Ваш интернет теперь всё смешал.

Сардаана положила фотографию на стол.

— Что с нашим деревом?

Куорсун не ответила сразу.

— Оно устало.

— От чего?

— От людей.

— Это метафора?

— А тебе обязательно знать?

— Да.

Старуха посмотрела в окно.

— Весной птицы перестали садиться на верхние ветви. В мае собака Трофима три ночи выла в сторону бугра. Потом один мальчик принёс домой ленту, снятую с дерева. Ночью его мать услышала, как кто-то ходит по крыше и считает.

Антон перестал писать заметки.

— Считает что?

— До утра дошёл до сорока семи.

12

— И?

— Мать отнесла ленту обратно.

— Всё прекратилось?

— Да.

Сардаана спросила:

— А красная салама с моим именем?

Куурсун посмотрела ей прямо в глаза.

— Сама не трогай.

— Почему?

— Потому что ты её не привязывала.

— Это и так понятно.

— Нет, — тихо сказала старуха. — Ты не поняла.

Она наклонилась ближе.

— В последние месяцы на дереве появляются салама от людей, которые туда ещё не приезжали.

В комнате стало очень тихо.

Антон усмехнулся, но неуверенно.

— Кто-то шутит.

— Может быть.

— Или пишет имена тех, кого знает.

— Может быть.

— А вы как думаете?

Куорсун снова улыбнулась.

— Я думаю, если человеку хочется объяснить всё шуткой, не надо ему мешать. До первой ночи.

13

Глава 3. Не всякая салама — дар

На следующий день Сардаана начала инвентаризацию.

Она ненавидела это слово рядом со священным деревом, но работа требовала точности: состояние ствола, диаметр, повреждения, следы гвоздей и саморезов, наличие пластика, проволоки, металлических предметов, признаки заболеваний.

Антон снимал общий план. Ньургун держал рулетку и комментировал:

— Вот видишь, пригодился университет.

— Ты учился на экономиста.

— Поэтому рулетку держу экономно.

Дерево в дневном свете казалось спокойным.

На бугре никого не было. Роман-блогер уехал утром в соседний район — Ньургун узнал из его канала, где уже появился ролик с заголовком «ДЕРЕВО ВЫКЛЮЧИЛО МОЙ ТЕЛЕФОН».

За ночь ролик набрал двести тысяч просмотров.

— Завтра здесь автобус будет, — сказал Ньургун.

— Не каркай.

— Это не карканье, это аналитика.

Сардаана осматривала нижние ветви.

Среди старых салама встречались аккуратные полосы ткани и волосяные шнуры. Рядом — пластиковые ленты, провода, резинки, пакеты. Одна ветка была стянута синтетическим шнуром так туго, что кора под ним вздулась.

— Это надо снимать, — сказала она.

— Куорсун сказала без неё ничего не трогать, — напомнил Ньургун.

— Я не говорю сейчас. В отчёте укажем.

Антон приблизился к табличке, прибитой саморезами.

— Вот это точно снять бы.

— Снимем с разрешения старших. И аккуратно.

Он провёл камерой вдоль надписи.

— «Загадай желание — оставь дар». Кто вообще это придумал?

— Люди любят короткие инструкции к сложному миру.

— А если я захочу миллион?

— Работай.

— Жестокая традиция.

Сардаана усмехнулась.

Ньургун вдруг поднял руку.

— Тихо.

14

Все замолчали.

Из леса пришёл звук.

Бум.

Один удар.

Антон медленно опустил камеру.

— Это...

— Дятел, — сказал Ньургун.

— Очень большой?

— Московский.

Второй удар.

Бум.

Теперь звук был явно не похож на птицу. Низкий, глухой, с долгим послезвучием.

Сардаана почувствовала, как холод проходит по спине.

Она вспомнила рассказ отца.

Когда ей было двенадцать, он однажды сказал: «Если услышишь в лесу бубен, не беги на звук. Сначала подумай, есть ли там человек».

Она тогда рассмеялась.

Теперь не хотелось.

Антон включил направленный микрофон.

— Откуда идёт?

Ньургун повернулся к лесу.

— Будто с болота.

Третий удар прозвучал прямо у них за спиной.

Все обернулись.

Никого.

Только дерево.

На ветвях зашевелились ленты.

Ветра не было.

Сначала одна, затем другая, потом десятки. Они тянулись в разные стороны, будто вокруг ствола кружили невидимые люди.

Антон поднял камеру.

— Снимаешь? — спросила Сардаана.

— Да.

— Не приближайся.

— Даже не собирался.

На красной салама с её именем проступило что-то ещё.

Буквы были далеко, но Сардаана увидела, как под её именем медленно темнеет новая строка.

Ньургун тоже заметил.

15

— Там пишут?

— Не знаю.

Антон навёл зум.

Экран камеры дёрнулся помехами.

— Чёрт.

— Что?

— Фокус плавает.

Картинка на дисплее вдруг стала чёткой.

Красная лента заняла весь экран.

Под словом «САРДААНА» было написано:

«ПРИШЛА».

Ньургун выругался.

Сардаана шагнула назад.

— Уходим.

В этот момент с ветки рядом с Антоном сорвалось металлическое сердечко.

Оно упало на землю, но не звякнуло.

Раздался детский смех.

Тихий.

Прямо из-под корней.

Антон побледнел.

— Вы тоже...

— Да, — сказала Сардаана. — Уходим сейчас.

Они спустились к машине.

Ньургун завёл двигатель.

Навигатор показывал дорогу в село.

Семь километров.

Через десять минут они снова подъехали к дереву.

— Ты развернулся? — спросил Антон.

— Нет.

— Мы ехали прямо.

— Я знаю.

Ньургун посмотрел на навигатор.

Тот показывал: до села семь километров.

— Давай ещё раз, — сказала Сардаана.

Они поехали.

Через одиннадцать минут лиственница появилась впереди.

На третий раз Ньургун выключил навигатор.

— Старой дорогой.

Он свернул на просёлок через поле.

16

Сардаана смотрела назад.

Дерево становилось меньше.

На фоне неба его верхушка напоминала раскрытую ладонь.

И на самой высокой ветви теперь висела ещё одна красная салама.

На ней было написано имя Антона.

17

Глава 4. Тот, кто приехал раньше

Антон увидел свою ленту только вечером, на записи.

Он трижды пересмотрел кадр и наконец сказал:

— Это невозможно.

Ньургун ел суп и не поднимал головы.

— Хорошее слово. В последнее время очень полезное.

— На первом проходе её нет. Вот. — Антон остановил видео. — Красная лента Сардааны есть. Рядом пустая ветка. Через двадцать минут мы снимаем отъезд — появляется вторая.

— Может, кто-то подошёл, пока мы были с другой стороны?

— Мы втроём всё время были рядом.

Сардаана спросила:

— Имя видно?

Антон увеличил.

«АНТОН».

Ни фамилии, ни даты.

Просто имя.

Мария поставила на стол хлеб.

— Может, ваш блогер вернулся.

— Он был в ста километрах отсюда, — сказал Антон. — У него прямой эфир шёл.

Ньургун наконец поднял голову.

— Не обязательно тот блогер.

— А кто?

— Кто-нибудь из села, кто хочет нас напугать.

Сардаана посмотрела на брата.

— Ты сам в это веришь?

— Я верю, что живые люди опаснее мёртвых. Очень удобная вера.

В дверь постучали.

Три раза.

Антон медленно повернулся к Марии.

Она рассмеялась.

— Да господи, это дверь, не окно.

На пороге стоял Василий Попов.

Он постарел так, что Сардаана не сразу узнала его. В детстве он казался огромным; теперь стал сухим, сутулым, лицо прорезали глубокие складки.

— Сардаана?

— Дядя Вася.

18

— Можно?

Он вошёл, снял кепку.

— Куурсун сказала, вы дерево снимаете.

— Для отчёта.

— И видели красные?

Сардаана напряглась.

— Откуда вы знаете?

Василий сел.

— Потому что я видел первую.

Он рассказал про Гребенюка.

Антон включил диктофон, но Василий сразу покачал головой.

— Это не для фильма.

Антон выключил.

Рассказ длился десять минут.

Когда он закончил, Ньургун спросил:

— Почему раньше молчал?

— Потому что человеку полезно иногда молчать.

— Человека так и не нашли?

— Нет.

— А лента?

— Висела лет пятнадцать. Потом истлела.

Сардаана спросила:

— Почему «девяносто три»?

Василий посмотрел на неё.

— Я потом думал. До него на дереве было девяносто две салама.

— Вы считали?

— Нет.

— Тогда откуда знали?

Он медленно провёл ладонью по колену.

— Вот в том и дело. Не считал. Но знал.

В комнате стало тихо.

Антон спросил:

— И сейчас вы знаете, сколько?

Василий резко поднял на него глаза.

— Не спрашивай.

— Извините.

— Даже про себя не спрашивай.

Сардаана почувствовала раздражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.